

НЭП

**ПРИБРЕТЕНИЯ
И
ПОТЕРИ**

«Наука»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

МОСКВА "НАУКА"

1994

ББК 63.3(0)61
Н95

Авторский коллектив:

*Р.У. Дэвис, В.П. Дмитренко, В.Л. Мау, А.К. Соколов, С.Н. Лапина,
Н.Д. Лелюхина, Е.С. Федоровская, Л.А. Неретина, И.Л. Исаев,
Н.С. Симонов, Ю.П. Бокарев, М.М. Горинов, Г.П. Дегтярев,
Н.Л. Рогалина, Н.П. Носова, В.А. Ильиных, М.А. Свищев,
К.Б. Литвак, А.О. Бунин*

Ответственный редактор

доктор исторических наук *В.П. Дмитренко*

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.В. Кабанов*
доктор исторических наук *Ю.П. Шаронов-Антонов*
Редактор издательства *К.А. Погосова*

НЭП: приобретения и потери (Р.У. Дэвис, В.П. Дмитренко,
Н95 В.А. Мау и др.). М.: Наука, 1994. — 217 с.
ISBN 5-02-009759-4

в сборнике статей предпринята попытка с позиций актуальных проблем социально-экономического развития страны глубже осмыслить нэп как политику и как российскую действительность 20-х годов. Это во многом определило основной сюжет сборника — выяснить, был ли нэп тактическим маневром или он мог стать альтернативной системой, способной саморазвиться.

Для широкого круга читателей.

~~И 0503020500-060~~ 59 — I полугодие 1994
042 (02)-94

ББК 63.3(0)61

ISBN 5-02-009759-4

© Р.У. Дэвис, В.П. Дмитренко,
В.А. Мау и др., 1994
© Российская академия наук, 1994

ВВЕДЕНИЕ

Тема новой экономической политики, проводившейся в 20-е годы в Советской стране, принадлежит к числу наиболее динамично разрабатываемых в отечественной историографии. С восстановительных задач этой политики, изучавшихся в основном в 50-е годы, акцент переместился в 60-е годы в плоскость рыночных отношений, многоукладности, госкапитализма. Следом, в 70-е годы основное внимание уделялось отдельным отраслям народного хозяйства, формам и методам хозяйствования, причинам и путям эволюции нэпа и советской экономической политики в целом; особо выделилась тема исчерпания ("отмены") нэпа. В начале 80-х годов, в свете опыта и неудач проводившихся экономических реформ, внимание к себе привлекали проблемы товарно-денежных отношений, хозрасчета, кооперативного строительства, методы государственного регулирования и их результаты. Такая периодизация весьма условна, она не исчерпывает всего многообразия тематики, но тем не менее позволяет зримо увидеть "бегущую волну" исследовательского интереса, связанной как с самой логикой разработки темы, так и общественным вниманием к опыту послеоктябрьского развития страны.

Этот сравнительно эволюционный путь расширения и углубления научного видения такого сложного и противоречивого, многогранного и развивающегося явления, каким был нэп, с середины 80-х годов сменяется резким переломом. Набегавшая волна профессионального и пропагандистского интереса была многократно перекрыта широким запросом общества в целом, который властно диктовался начинавшейся полосой глубоких социально-экономических преобразований в стране. Поворот от административно-командной системы управления огосударственной экономикой к иной системе, в которой возрастает роль рынка, многоукладности, частного предпринимательства, материальной заинтересованности, широкого контакта с мировым хозяйством, вынес, казалось бы, сугубо исторический сюжет, каким был нэп до того, на бурлящую арену политической жизни, идеологических борений, политических экспериментов. Радоваться бы специалисту-историку, экономисту, объект пристального изучения которых оказывался в фокусе развернувшейся теоретической борьбы и помогал ориентироваться в широком круге научных и практических вопросов... Но радости мало. Отдельные и подчас не самые существенные сюжеты нэпа, искусственно вырванные из контекста своего времени, только и объясняющего их природу и смысл, из специфических конкретно-исторических условий и задач, начали превращаться в средство агитации и утверждения политических доктрин. Но были ли сложившимися сами доктрины,

которые так бесцеремонно подпирались нэповскими "подпорками", т.е. идеями, формами и направлениями "той" политики? Определены ли были хотя бы в общих чертах, цели, этапы, средства предпринятого движения, реформирования общества? Достаточно ли были учтены в их сложном сочетании новые условия, потребности и сила инерции прежнего движения?

Проанализирована ли была в достаточной степени динамика общемирового развития, чтобы выявить действительно исторически созревшие прогрессивные формы и направления развития? Ответ очевиден для всех объективных свидетелей. Соответственно и результаты политизированного и быстро менявшегося подхода к проблематике нэпа оказались в большинстве случаев спорными и даже негативными. Действительно, как эксплуатировался опыт нэпа в угоду конъюнктурным новациям? Попытка XXVII съезда партии обратиться к принципам продналога во взаимоотношениях города с деревней оказалась неудачной, так как не была учтена такая "деталь", как господство в деревне колхозно-совхозной системы, а не мелких собственников. Та же судьба постигла отсылку к "ленинскому кооперативному плану", "ленинской концепции кооперативного социализма" при отсутствии еще самой социально-экономической среды кооперирования; под видом кооперации фактически возникали совсем иные типы предпринимательства. Идея кооперации была грубо скомпрометирована. Обращение следом к теме "рыночного социализма" быстро сменилось фронтальной критикой и отрицанием самого социализма (в отечественном и международном исполнении). Та же судьба постигла поднимавшиеся на щит сюжеты госкапитализма, хозрасчета на государственных предприятиях, соотношения плана и рынка и др. На этапе крутого слома всей модели общественного развития все эти разрозненные "выстрелы" якобы нэповским зарядом оказались холостыми.

Ныне нэп, образно говоря, издерганный этими конъюнктурными наскоками непрофессионалов, отдыхает, восстанавливая свои органические связи в нерушимой живой ткани непрерывного и неразрывного исторического процесса. Он еще раз напоминает о самоценности и состоявшейся истории, с ее своеобразием и неповторимостью, и о необходимости подхода к историческим сюжетам с подлинно научных позиций. Все попытки сформировать новые концепции обновления на подпорках старых идей и опыта, затертых цитат и идеологизированных прогнозов оказываются неудачными. Необходим самостоятельный глубокий анализ современной действительности с ее реальной динамикой, интересами, тенденциями, противоречиями.

Что предложил современный этап историографии в изучении нэпа как своеобразного явления и динамичного процесса? Наряду с очевидными потерями, связанными с идеализацией, искусственным выпячиванием отдельных сторон, преувеличением позитивной роли и результатов нэпа и т.п. научная разработка нэпа резко двинулась вперед. Сама обстановка жаркой схватки на нэповском "поле" разных подходов, в том числе и крайних — консервативных и псевдорадикальных, позволила нарушить

сложившийся историографический ритм расширения спектра сюжетов, больше обратит внимания на динамику, сложную борьбу "старого" и "нового", относительность того и другого и быстрое превращение нового в старое, на конфликты внутренние и внешние (относительно самой политики), противоречия складывавшейся системы и ее эволюцию. Уже только такие поставленные проблемы, частью нетрадиционные, как причины исчерпания "военного коммунизма" (включая доктринальные истоки), сущность кризиса общества в конце гражданской войны (в первую очередь как кризис самой власти), возможность или невозможность фронтальной "пересменки" форм экономической политики руками одной и той же власти, содержание и хронологические границы сугубо нэповского в экономике и политике 20-х годов, кризисы самого нэпа и возможность поддержания этой политики в качественно новой ситуации конца 20-х годов, соотношение в нэпе традиционного (дореволюционного) и новаторского, взгляд на нэп с позиций разных социальных интересов и политических групп и т.п., говорят о поступательном развитии научных представлений. Здесь же, вокруг этих и подобных вопросов сконцентрировалась научная полемика, предлагая разные, порой противоположные выводы. За ними, этими вопросами, видятся и следующие, логически из них вытекающие, выводящие на понимание роли социально-экономических традиций и инерций в послереволюционный период, взаимодействия властного фактора, государственной формы собственности и официальной идеологии в становлении административно-командной системы, механизма складывания и саморазрушения советской многоукладной системы, влияния на экономическую политику личности и менталитета, психологии масс, инерции революционного взрыва и объективных интересов разных групп населения, роли партийно-государственной элиты (ее различных слоев) в разработке и реализации экономической политики. Вероятны и другие направления. В конечном счете важно взрывное состояние научной разработки темы, которое неудержимо притягивает к себе большую группу исследователей, рождает напряженный творческий поиск. Это состояние и настроение убедительно продемонстрировали научные конференции, проведенные в 1991 г. в Новосибирске и Москве по случаю 70-летия перехода к нэпу, но носившие отнюдь не юбилейный характер.

Ряд сюжетов, как нам кажется магистральных, предлагает и данный коллективный труд. Избегая категоричных оценок, окончательных выводов, время для которых не пришло и не придет, в подлинно научной полемике авторы, при всем различии тем и подходов, решают ряд проблем. Избрав скорее метод от противного, разрушая сложившиеся ранее стереотипы (в научном и общественном сознании), они стремятся продвинуться в направлении познания взаимодействия и взаимовлияния разных областей общественной жизни при разработке и осуществлении экономической политики, эффективности внедрявшихся идей и практических приемов, изменявшейся конкретно-исторической ситуации и характера проблем, вставших перед политиками и рядовыми участниками движения общества. И в центре всего этого комплекса: а

жизнеспособна ли была вообще на значительную перспективу совокупность первоначальных "нэповских" идей при **данной** сложившейся власти и на почве **данной** экономики? Для авторов очевидно, что ответы на эти вопросы являются отнюдь не простыми. Надеемся, что к этому же выводу придут и читатели нашего сборника.

Научно-вспомогательную работу по сборнику провела Л.А. Неретина.

В книге авторами приводятся старые названия архивов. С 24 июня 1992 г. ЦГАНХ СССР преобразован в Российский архив экономики (РГАЭ), ЦГАОР СССР - в государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ЦПН ИМЛ - в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

М.М. Горинов

АЛЬТЕРНАТИВА Г.Я. СОКОЛЬНИКОВА

На мой взгляд, нэп в хозяйственном смысле — это временный вынужденный компромисс двух экономических систем, сложившихся к концу гражданской войны: административно-командной (большая часть промышленности, транспорта, финансов, часть торговли) и мелко-товарной (крестьянские хозяйства, мелкая, частично средняя промышленность и торговля), т.е. вариант дуалистичной, внутреннепротиво-

речивой экономики. В функционировании обеих систем предпринимательно-рыночные, капиталистические начала были выражены слабо: относительно сильнее в мелкотоварном секторе, относительно слабее в "государственно-социалистическом". Причем, советская экономика в 20-е годы "работала" в условиях крайне слабых связей с мировым хозяйством.

Сегодня известно, что предпринимательно-рыночная тенденция, развивавшаяся преимущественно на базе мелкотоварного сектора, к концу 20-х годов была подавлена: возникла целостная административно-командная система. Попытаемся теперь построить альтернативную экономическую модель, в рамках которой предпринимательно-рыночная тенденция могла бы постепенно одержать победу. Эта модель, думается, должна была бы включать следующие основные компоненты: значительное ограничение административных начал в деятельности госсектора, стимулирование развития частнопредпринимательского сектора в деревне и в городе, форсирование процессов интеграции в мировую экономику.

В условиях однопартийной олигархической политической системы 20-х годов данная экономическая модель для того, чтобы иметь шансы на практическое осуществление, должна была бы обладать поддержкой влиятельных лиц в руководстве РКП(б) — ВКП(б) и части ее ЦК, т.е. как минимум, обсуждаться на уровне съездов и конференций правящей партии.

Если, исходя из этих позиций, мы проанализируем экономические программы, рассматривавшиеся в большевистских "верхах", то отдельные элементы альтернативной модели мы обнаружим в предложениях Наркома внешней торговли Л.Б. Красина 1922-1923 гг. о многомиллиардном внешнем займе, в идеях Л. Шанина о преимущественном развитии аграрного сектора (1926 г.), в предложениях "левой оппозиции" о "товарной интервенции", о проведении активной концессионной политики (1923—1927 гг.), в мыслях Л.Д. Троцкого о большей интеграции советского хозяйства в мировую экономику, о допущении развития в деревне на какой-то срок фермерского хозяйства (1925 г.)¹. Иначе говоря, в наиболее целостном виде альтернативная модель какое-то время присутствует в выступлениях Троцкого. Однако уже в 1926 г. тот, блокируясь с Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым, отказывается от новаторской идеи о стимулировании фермерского хозяйства в деревне, "выбив" тем самым одно из ее ключевых звеньев.

На мой взгляд, наиболее близкий альтернативной экономической модели вариант просматривается в выступлениях и работах Наркома финансов СССР Г.Я. Сокольникова 1925—1926 гг.² Альтернатива Сокольникова рождается в процессе осмысления им причин "кризиса" 1925 г. Как известно, вторая половина 1925 г. протекала в условиях значительных хозяйственных затруднений. Первые месяцы хлебозаготовительной кампании показали, что вместо ожидавшихся 780 млн пудов зерна вряд ли удастся в 1925/26 г. заготовить 600 млн (вначале вообще ожидали 1 млрд). Пришлось сократить экспорт, а значит, и импорт оборудования, программы развертывания промышленности. Обострился "товарный голод". Выросли цены. Потерял устойчивость твердый

червонец — детище Наркомфина и его руководителя. Анализ причин кризиса и поиск путей выхода из него вылились в острую внутривнутрипартийную дискуссию³.

Возглавляемое Г.Я. Сокольниковым ведомство, пожалуй, как никакой другой центральный советский экономический орган (ВСНХ, Госплан и др.), было заинтересовано в поддержании стабильности черновца. Первые симптомы обесценивания с таким трудом введенной твердой валюты ощущались Наркомфином особенно болезненно. Заинтересованность в стабильной валюте логично преломлялась в заинтересованность в экономическом развитии на базе рыночного равновесия. Сокольников призывал свести до минимума воздействия факторов, нарушавших, по его мнению, равновесие на рынке. Таковыми он считал жесткое административное вмешательство в экономику и слишком амбициозные индустриальные программы. Г.Я. Сокольников видел главную причину кризиса в чрезмерном, на его взгляд, увлечении планами, которые были составлены и приводились в исполнение так, что связывали свободу маневрирования на рынке. Основным фактором сравнительно успешного планирования он считал наличие резервов: имея их, можно было быстро "заткнуть дыру", образовавшуюся вследствие неверных расчетов. Поскольку же резервов в стране не было, то и планирование должно было быть как можно менее связывающим. Это должен был быть не план-директива, а скорее план-прогноз⁴. В этой позиции Сокольникова, помимо его собственных размышлений, ведомственных интересов, думается, отразились идеи блестящей плеяды русских экономистов старой школы — профессоров Л.Н. Юровского, Н.Д. Кондратьева и др. — о природе перспективного планирования, как планирования прогностического, индикативного, так его назовут впоследствии⁵.

Текущие хозяйственные затруднения Сокольников предлагал решать сокращением кредита и импорта. Убедившись на опыте кризиса 1925 г. в том, что возможности накопления для ускоренной индустриализации на основе рыночного равновесия в стране весьма ограничены, Сокольников выдвинул довольно оригинальную концепцию социально-экономического развития страны, реальные результаты применения которой по всей линии хозяйства ожидалось через 20—25 лет⁶.

Считая главной перспективной целью хозяйственной политики подъем индустрии, Сокольников предлагал решить задачу переоборудования промышленности путем ввоза наиболее современных машин из-за границы, что дало бы выигрыш во времени на десятилетие. Необходимые средства планировалось получить за счет форсирования экспорта продукции сельского хозяйства, подъем которого, по его мнению, требовал сравнительно незначительных капиталовложений. Итак, ключ к ускорению процесса подъема экономики Союза он видел "в перспективе быстрого подъема сельского хозяйства"⁷.

В каких социально-экономических формах видел Сокольников развитие аграрного сектора? "Нашей задачей, — отмечал он, — является укрепление кооперации, т.к. кооперация, несомненно, сможет осуществить программу поднятия середняцких хозяйств без внесения даль-

нейшего неравенства в крестьянскую среду. С другой стороны, у нас есть средства и для того, чтобы ставить пределы капиталистическому накоплению деревни. Таким средством является прямой налог в деревне"⁸. Другими словами, Сокольников предлагал развивать в деревне середнячко-кооперативный сектор, тормозя рост индивидуальных крупнотоварных крестьянских хозяйств. Здесь он радикально расходился с проф. Н.Д. Кондратьевым, который никак не мог понять большевистской логики. "Мне кажется, — отмечал он, — что в нашей текущей практике, текущей политике мы сплошь и рядом видим такие контраверзы, которые ставят органы, ведущие экономическую политику, в чрезвычайно трудное, безвыходное положение. С одной стороны, мы ставим ставку на повышение товарности хозяйства и в то же время и в земельном законодательстве, и в других сферах законодательства, связанных с земельным, затрудняем развитие товарности хозяйства... в нашем законодательстве есть страх перед существующим и несущим очевидностью недоговоренность относительно того, что же мы ставим во главу угла — развитие производительных сил или что-нибудь другое"⁹.

Сокольниковская концепция развития советской экономики, как мы видим, вплотную приблизилась к мысленно конструируемой альтернативной экономической модели. Она включала: лимитирование административных начал в деятельности госсектора и экономики в целом, значительную интеграцию советского хозяйства в мировое, приоритетный подъем в ближайшей перспективе аграрного сектора, диктуемый императивами эволюции на базе рыночного равновесия. Сокольников "сломався" только в одном пункте: по вопросу о развитии крупнотоварного индивидуального сектора в сельском хозяйстве. Т.е. там же, где приблизительно в это же время "сломався" и Троцкий. Вынужденный выбирать между ортодоксальной марксистской доктриной, за которой стоял конкретный политический интерес, и экономической эффективностью, Сокольников выбрал доктрину. Тем самым его концепция экономического развития потеряла цельность, а значит, и возможность практического осуществления.

В самом деле, стержневая идея, на которой базировалась вся концепция о том, что незначительные капиталовложения в беднячко-среднячьи хозяйства позволили бы относительно быстро создать рентабельный экспортный аграрный сектор, крайне спорна. Известно, что в середине 20-х годов капитал зажиточного крестьянского хозяйства в Советском Союзе составлял 800—2000 руб., а у американского фермера — 8—12 тыс. руб.¹⁰ Что же было говорить о советских беднячко-среднячских хозяйствах? Если бы в советской деревне, как и предлагал Кондратьев, была бы сделана ставка на зажиточные крупнотоварные индивидуальные хозяйства, то для помощи их сравнительно незначительному количеству в стране можно было бы найти кое-какие финансовые и материальные ресурсы и сравнительно быстро создать конкурентоспособный на внешнем рынке, высокорентабельный аграрный сектор; на его основе форсировать экспорт и импорт оборудования. Оказать же реальную экономическую помощь огромной массе беднячко-

средняцких хозяйств (их было свыше 20 млн) и на основе их добровольной кооперации быстро создать высокорентабельный аграрный сектор — таких средств в стране не было.

На позицию Сокольников, думается, повлияли широко распространенные в 20-е годы представления о возможности резкого поднятия урожайности наших сельскохозяйственных культур. Между тем такой крупнейший авторитет в области аграрной науки, как Н.И. Вавилов, на мой взгляд, убедительно показал их иллюзорность. Он отмечал неправомерность сопоставления сельского хозяйства СССР с Данией и другими западноевропейскими странами. По его мнению, наша низкая урожайность определялась прежде всего географическими условиями: континентальным климатом, значительными сезонными климатическими колебаниями, недостаточным количеством осадков на большей части территории страны. В частности, в отличие от Западной Европы в СССР выращивались главным образом менее урожайные, чем озимые, яровые хлеба¹¹.

Приоритет подъему аграрного сектора вызвал бы целую цепочку экономических и социально-политических последствий. Надо было бы учитывать то обстоятельство, что в сельском хозяйстве страны шел процесс специализации. Центр дешевого экстенсивного зернового производства постепенно перемещался с юга и юго-востока, связанных сравнительно развитой транспортной сетью с черноморскими экспортными портами, в отдаленные восточные районы. Чтобы вывезти этот хлеб в потребляющие промышленные районы европейской части страны, в экспортные порты надо было развернуть значительное железнодорожное строительство.

Таким образом, чтобы создать высокорентабельный экспортный аграрный сектор требовалось: поднять технический уровень сельского хозяйства, расширить транспортную сеть страны. Иначе говоря, надо было или ускоренно развивать собственную промышленность — сельскохозяйственное, транспортное машиностроение, металлургию (чтобы получить металл на рельсы, паровозы, тракторы в условиях нарастающего в 20-е годы "металлического голода"), или ввозить все это из-за рубежа, надолго сократив или полностью отказавшись от ввоза оборудования (ведь доходы от экспорта были не беспредельны).

Чтобы стимулировать продажу крестьянами продуктов своего труда, следовало организовать встречные поставки промтоваров, а поскольку "товарный голод" обострялся, на значительный импорт оборудования для легкой промышленности, как мы убедились, вряд ли можно было рассчитывать, то пришлось бы форсировать "товарную интервенцию" - ввоз ширпотреба из-за границы. Иначе говоря, реально от развития собственной промышленности, особенно тяжелой, пришлось бы надолго отказаться. Но даже если бы на импорт станков что-то и осталось, то для того, чтобы они заработали, нужно было как минимум развивать энергетику. Хватило бы на это средств, учитывая вышеизложенное?

Таким образом, встал бы вопрос об импорте ссудного и предпринимательского капитала. Но направился бы тот в страну, совсем недавно отказавшуюся выплатить внешнюю задолженность, национа-

лизировавшую иностранную собственность? Готовы ли были большевистские лидеры, включая Сокольникова, удовлетворить требования иностранцев? Кроме того, линия на интеграцию в мировое хозяйство на основе развития агроэкспорта ставила страну в чрезмерную зависимость от конъюнктуры не очень стабильного, как покажут кризис и депрессия 1929—1930-х годов, мирового рынка, не говоря уже об общей нестабильности международных отношений, особенно в 30-е годы, в конечном итоге вылившейся в мировую войну.

Не следовало забывать и о такой социально-политической проблеме, как растущая в стране "диктатуры пролетариата" безработица. Если в 1922 г. официально было зарегистрировано 160 тыс. безработных, то на 1 апреля 1929 г. — 1741 тыс. Накануне первой пятилетки безработные составили 12% от числа занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих¹². Как резонно в свое время заметил экономист В. Колесников, "нельзя же бедняка, приходящего в 1930 году в город в поисках работы, утешать тем, что в его злосчастной судьбе виноваты царизм и Антанта"¹³. А в условиях имевшегося в стране аграрного перенаселения и реально низких темпов промышленного развития, в случае принятия программы Сокольникова, безработица была бы еще больше.

Так что на путях осуществления "альтернативы Сокольникова" неповскую экономику ожидало ни одно "Кавдинское ущелье". Г.Я. Сокольников ближе всех из большевистских лидеров подошел к разработке альтернативной модели экономического развития, в рамках которой могла бы окрепнуть, а впоследствии и победить предпринимательно-рыночная тенденция в развитии нэпа и которая (модель) по сути представляла бы из себя продолжение хозяйственной политики С.Ю. Витте — П.А. Столыпина. Подошел, но не разработал. Тем самым анализ его концепции, как самой "рыночной" из предлагавшихся большевистским руководством, лишней раз убеждает в том, что реальной альтернативы утверждению в СССР в 30-е годы целостной административно-командной системы не было.

¹ *Красин Л.Б.* Вопросы внешней торговли. М.:Л., 1928. С. 356; *Шанин Л.* Вопросы экономического курса // *Большевик*. 1926. № 2; *Большевик*. 1927. № 6; *Вести Коммунистической Академии*. Кн. XVII. 1926; Там же. Кн. XXII. 1927; *Троцкий Л.Д.* К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). М.:Л., 1925. Он же. О наших задачах. Доклад на общегородском собрании партийной организации в г. Запорожье 1 сентября 1925 г. М.:Л., 1926.

² XIV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1926. С. 323—332; *Сокольников Г.Я.* Пройденный путь и новые задачи. М., 1926. Он же. Осенние "заминки" и проблемы хозяйственного развертывания. М., 1926.

³ *Горин М.М.* НЭП: поиски путей развития. М., 1990.

⁴ *Сокольников Г.Я.* Осенние "заминки" и проблемы хозяйственного развертывания. С. 5—8, 37—38.

⁵ *Кондратьев Н.Л.* План и предвидение (К вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности) // *Пути сел. хоз.* 1927. №2. С. 35.

⁶ *Сокольников Г.Я.* Пройденный путь и новые задачи. С. 10.

⁷ Там же. С. 36—40.

⁸ Там же. С. 32—33.

⁹ Цит. по: *Зиновьев Г.* Манифест кулацкой партии // *Большевик*. 1927. 13. С. 46.

¹⁰ XIV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. С. 437.

¹¹ *Вавилов Н.И.* Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера // Пути сельк. хоз-ва. 1928. № 7. С. 256.

¹² История социалистической экономики в СССР. Т. 3. М., 1977. С. 118; Т. 2. М., 1976. С. 222.

¹³ *Колесников Б. О.* некоторых спорных вопросах современного экономического курса (Ответ гг. Розенталю, Бухарину, Мартынову и др. // Большевик. 1927. № 22. С. 110.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПЕРВЫЙ ОПЫТ

<i>Р.У. Дэвис.</i> Советская экономическая реформа в исторической перспективе	7
<i>В.П. Дмитренко.</i> Четыре измерения нэпа	27
<i>В.А. Мау.</i> Нэп в контексте российской революции	42

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

<i>А.К. Соколов.</i> Политическая система и нэп	54
<i>С.Н. Латина, Н.Д. Лелюхина, Е.С. Федоровская.</i> Государственная собственность и рынок: опыт нэпа ..	60
<i>Л.А. Неретина.</i> Реорганизация государственной промышленности в 1921—1925 гг принципы и тенденции развития ..	75
<i>И.А. Исаев.</i> Нэп: рыночная перспектива ..	87
<i>Н.С. Симонов.</i> Из опыта финансово-экономической реформы 1922—1924 гг.	99
<i>Ю.П.Бокарев.</i> Денежная политика середины 20-х годов и крушение рынка....	113
<i>М.М. Горинев.</i> Альтернатива Г.Я. Сокольникова ..	120
<i>Г.П. Дегтярев.</i> НЭП: Идеологические тупики хозяйственной реформы	126

НЭП И МЕЛКОЕ ХОЗЯЙСТВО

<i>Н.Л. Роголина.</i> Новая экономическая политика и крестьянство	139
<i>Н.П. Носова.</i> Нэп: государство и сельское хозяйство (проблемы регулирования) ..	150
<i>В.А. Ильиных.</i> Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях нэпа (1921—1927 гг.)	164
<i>М.А. Свищев.</i> Мелкое производство в 20-е годы	175
<i>К.Б. Литвак.</i> Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии	186
<i>А.О. Бунин.</i> Борьба кооперативных и государственных начал в организации кредитования деревни и ее влияние на судьбу нэпа	203